

Суховецкая Галина Владимировна

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МАТРИЦА РОССИИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ЛИКВИДАЦИЯ?

В статье рассматриваются процесс формирования культурно-исторической матрицы России, ее исторические корни, отмечается прогрессивность и значимость византизма для славянской культуры. Анализируется роль культурно-исторической матрицы в современном модернизационном процессе общества и государства. Раскрывается противоречие традиционных форм общественного сознания и ускорения модернизационных процессов в обществе. Особое внимание уделено ведущей роли социокультурного и идеологического факторов в формировании и развитии русской культурно-исторической матрицы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 183-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматриваются процесс формирования культурно-исторической матрицы России, ее исторические корни, отмечается прогрессивность и значимость византизма для славянской культуры. Анализируется роль культурно-исторической матрицы в современном модернизационном процессе общества и государства. Раскрывается противоречие традиционных форм общественного сознания и ускорения модернизационных процессов в обществе. Особое внимание уделено ведущей роли социокультурного и идеологического факторов в формировании и развитии русской культурно-исторической матрицы.

Ключевые слова и фразы: культурно-историческая матрица; византизм; православие; модернизация; социокультурная идентичность; идеологический фактор.

Суховецкая Галина Владимировна, к. филос. н.

Южный федеральный университет

gvsuhoveckaya@sfedu.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МАТРИЦА РОССИИ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ЛИКВИДАЦИЯ?®

В XXI в. Россия начала «терять свое лицо». Об этом говорит не только актуализация исследований по проблеме социокультурной идентичности и месту России в современном мире, но и возобновление исторических прений по вопросу цивилизационного самоопределения. «В начале 90-х гг. в России переживает второе рождение полемика сторонников самобытного пути развития и западников, новое дыхание получают евразийство и ряд других течений русской мысли конца XIX – первой половины XX в. В российском обществе возникает дискуссия, как перейти от традиций к модернизации (зачастую понимаемой как вестернизация)» [3, с. 15]. Современное российское общество – это некий пазл из разнообразных и часто не подходящих друг к другу частей. Политические, экономические, культурные новации накладываются на традиционные социокультурные элементы общества традиционного типа, в результате искажаясь и принимая совершенно отличный от изначального облик. Само по себе переплетение традиционных и модернизированных элементов и структур в обществе не обязательно приобретает негативные смыслы. Вполне возможно в достаточной степени мирное сосуществование старого с новым. К сожалению, часто такой социокультурный «кентавризм» искажает развитие модернизационных процессов, что и произошло в России. Опасность подобных «кентавров» еще и в том, что созданные в процессе модернизации элементы культуры могут быть поставлены на службу традиционным структурам, поддерживать и даже активизировать архаичные ценности, вплоть до разрушения, подавления перспективных инноваций.

Общество, отринувшее традиционные идеалы, утерявшее сформировавшиеся в процессе исторического развития структуры, амортизирующие механизм встраивания инокультурных ценностей в собственную культурно-историческую матрицу и при этом стремящееся идти по «дороге модернизации», часто становится средой, перманентно рождающей конфликт ценностей внутри общества. Культурно-историческая матрица российской цивилизации была искажена внешней волной мировой глобализации, которая несет в себе ценности западноевропейской и североамериканской культурно-исторических матриц, сформированных в совершенно иных исторических, социально-экономических и культурных условиях.

На современном этапе социально-экономической, политической и духовной трансформации российского общества происходит пересмотр опыта, накопленного за период советского и постсоветского существования, и осмысление его в условиях все большей глобализации и интеграции мира. Чем являлись годы перестройки и модернизации российского общества: развитием или уничтожением российской культуры, ее самобытности и самостоятельности?

Основой матрицы российской цивилизации исторически являлись ее государственная структура и православие. Именно эта «базовая форма» решающим образом повлияла на интеграцию всех ее структурных элементов в единое целое. Эта же «базовая форма» во многом до сих пор определяет характер и особенности российской культуры, ее отличие от других культур. Нынешняя Россия – сложный комплексный феномен, включающий множество разнообразных рудиментарных и инновационных явлений, образующих очень прихотливые сочетания, с трудом поддающиеся анализу. К сложности понятия «современная российская культура» добавляются многосмысленность и непроясненность культуры исторически предшествующих периодов, о сущности и характерных особенностях которой едва ли на сегодняшний день существует согласованное общепринятое мнение.

Современные концепции российской модернизации по европейским образцам предполагают развитие на совершенно иной платформе, в основу которой положены «базовые ценности» европейской культурно-исторической матрицы. Если русская культурно-историческая матрица имеет корни в византизме, выросшем из слияния Рима и арабских традиционных социокультурных форм, то европейская – в греко-римской культуре, не получившей «прививки» восточным менталитетом.

Россия как социокультурное образование весь период своего развития была и остается чрезвычайно разнородной: этнически, религиозно, территориально. Русская культура – понятие столь же широкое, как и

«русский народ» или «русскость» как таковая. Политико-идеологическая структура выступает чуть ли не единственным механизмом формализации и синтеза общерусской культуры.

Так было у истоков формирования российской культурно-исторической матрицы, так остается и в современных условиях. Поэтому факт выработки более или менее общих культурных догматов, их интеграция в чрезвычайно разнородный субстрат – проект политический, насильственный, или способ организации власти. Соответственно, такой проект мог совершаться лишь как «наложение сверху» [8, с. 232].

Первым мощным культурным прорывом было принятие христианства. Введение Православия на Руси – это больше политическая акция, даже политико-экономическая, а культурные составляющие в момент принятия являлись второстепенными обстоятельствами. Христианство Русь приняла из Византии, где церковь находилась в полном и длительном подчинении у светской власти, выступая проводником государственной идеологии. В русском Православии эта черта сохранилась: христианизация являлась способом объединения народов и территорий, механизмом интеграции очень разнообразных этнических сообществ. Варианты внедрения новой культурной матрицы были весьма многообразны: от прямого военного захвата земель – до приведения различных этнокультурных единиц к некоторой общей форме, одинаково чуждой, но узнаваемой для всех элементов новой макроструктуры. Таким образом, значение православия для развития русской культуры, прежде всего, состоит в формировании единой культурно-исторической матрицы – поверх разрозненных традиций – и ее утверждению в качестве базиса для крупных территориальных и временных структур, что могло быть достигнуто лишь при жесткой стабилизации культурной матрицы.

Культурно-историческая матрица византизма в свое время являлась крупнейшим положительным прогрессивным фактором формирования и развития российской цивилизации, ее своеобразия и самобытности. Россия сформировала очень устойчивый социокультурный тип, который существовал, с локальными трансформациями, почти тысячу лет. После гибели восточного Византийского государства Россия получила возможность не оглядываться на первичную форму и самой продолжать развиваться в рамках сложившейся матрицы. «После падения православного византийского царства Московское царство осталось единственным православным царством... В XIX веке мысль, что Россия будет иметь со временем руководящее влияние в жизни Европы и выработает высокую форму культуры, высказывали многие русские мыслители» [7, с. 193]. Даже реформы Петра Великого и его последователей, стремящихся приблизить Россию к новым мировым лидерам, европейским государствам, не смогли наложить новую культурную матрицу на русскую цивилизацию. Происходила только трансформация имеющейся формы, элементы новой матрицы принимала небольшая часть культурного пространства, образуя новые субкультуры на фоне русской культуры. И хотя некоторые субкультуры по своей агрессивности переходили в контркультуры (например, знаменитое чаадаевское утверждение, что в России до петровских реформ не существовало своей культуры, что она существовала «на задворках истории»), они не могли разрушить первоначальную культурно-историческую матрицу. Даже революционное потрясение 1917 г., несмотря на проевропейскую концепцию, не уничтожило окончательно первоначальную культурно-историческую матрицу русской цивилизации.

Эта форма оказалась удивительно стабильной и эластичной, принимая в себя и перестраивая под себя все новые матричные формы существования социума и культуры в целом. Она была основана не на социально-экономических ценностях, а на некотором идеократическом концепте, то есть преданности определенной идее. Начиная с Филофея Псковского, этот концепт был закреплен в идеологии правящих кругов Российского государства, в процессе исторического развития проникнув во все слои населения. Наследование православно-византийской культурно-исторической матрицы имело для восточных славян решающее значение. Влияние зрелой римско-византийской культуры сказалось практически во всех областях жизни древнерусского общества, в том числе в сфере государственной организации и идеологии. Русь объединилась в единое государство не столько на военно-дружинной, сколько на религиозно-идеологической основе. Православное христианство явилось той идеологической силой, которая смогла связать различные племена и народности в единое общество, интегрированное общими духовно-нравственными ценностями, а также сформировать самобытную, яркую надплеменную культуру, которая в течение многих столетий являлась матрицей формирования Российского государства. Как утверждал А. Тойнби, «русские приняли православие в конце X века, и нужно подчеркнуть, что это был осознанный выбор с их стороны. В качестве альтернативы они могли последовать примеру степных хазар, принявших в VIII веке иудаизм, или, скажем, волжских булгар, которые обратились к исламу в X веке» [9, с. 107]. Но этот прагматизм не является коммерческим. Экономические ценности никогда не являлись определяющими для русского сознания, именно поэтому экономические реформы, в отрыве от идеологической составляющей или же противоречащие ей, не находят отклика в обществе. Основой культурно-исторической матрицы русской нации не может быть экономика (и тем более политика). Из России не получится Объединенная Европа. Она всегда занимала специфичное положение между Западом и Востоком. Не являясь ни тем, ни другим, она несла в себе иную идею, иное мировоззрение, иную культуру. Исследуя этот вопрос, большинство философов, как русских, так и зарубежных, акцентируют внимание на духовности, идейности отечественной культуры, находящей свое историческое основание в нравственных и религиозных формах культурно-исторической матрицы.

Ошибочность российских реформ конца XX в. в том, что они проводились безотносительно к идеологическому культурному контексту, но претендовали на обращенность к обществу, к народному сознанию. Именно в конце XX в. произошел слом византийской культурно-исторической матрицы. В XX в. были уничтожены идеологические основы единства Российского государства и русской культуры, те идеи, что скрепляли многонациональное и полиэтническое образование в единую страну. Конец XX в. ознаменовался

крупнейшим духовным кризисом во всех слоях русского народа. Этот кризис до сих пор не преодолен, хотя сейчас, в начале второго десятилетия XXI в., критическое состояние отечественной идеологии осознают даже правительственные круги. Делаются попытки развернуть поиск новых идеальных оснований для консолидации современного российского общества, сформировать новую идеологию для России.

Особенность модернизации современного российского общества состоит в том, что она связана с системным переходом от одного идеологического и культурного устройства к другому: это комплекс всех видов и типов культурных изменений, взаимодействие всех факторов. Произошли фундаментальные изменения в идеологии, во взаимоотношениях людей, ценностных ориентациях. Но на процесс внутренней модернизации в стране наложились более глобальные процессы мировой трансформации. Западноевропейская цивилизация впечатала свою культурно-историческую матрицу в процессе формирования новых социокультурных структур российского общества. Вот только западноевропейская культурно-историческая матрица формировалась в историческом развитии Западной Европы, и ее вторжение в иную структуру, развивающуюся на иных основаниях, породило социокультурного «кентавра» современной российской цивилизации. «Глобальный империализм западных государств с XVI до XX веков создал важнейшие инфраструктуры для насаждения и распространения западных идей, ценностей, культурных институтов и навыков по всему миру. Однако основное содержание насаждаемого зародилось внутри самих западных стран» [10, с. 320]. Эта внешняя матрица стала очень сильным «мутагенным» фактором модернизационных процессов в русской культуре.

Две тенденции задают современный облик российской модернизации: стремление к самовыражению, к самобытности, подчеркиванию собственных отличительных черт и национальных акцентов, с одной стороны, и стремление влиться в общемировую цивилизацию, занять достойное место в мировом сообществе, стать «равными» с европейскими и ведущими американскими державами – с другой. Эти разнонаправленные тенденции заставляют вновь и вновь обращаться к вопросу о месте и роли России в мировой культуре, примерять теории к современной жизни, искать и формировать ту матрицу, которая сможет дать новую идейную структуру русской культуры.

Сегодня России не хватает стабильности именно в идеологической сфере. Недаром ведь так широко распространилась идея возврата к православным идеалам и ценностям. В рамках этой понятийной парадигмы находится и концепт «Русской идеи», о которой ведутся горячие дискуссии уже третий век (начиная с XIX в. – в России, на протяжении XX в. – в «русском зарубежье», в среде эмигрировавшей интеллигенции, и на исходе XX в. вновь зазвучавшие в постсоветской России).

Однако попытки целого ряда политиков и экономистов вернуть утраченные социалистические или самодержавные идеалы и методы экономического и социально-политического развития страны малоперспективны вследствие их продолжительной дискредитации на отечественной почве. Любые предложения, основанные на возврате к социалистическим или самодержавным ценностям, встречают резкое неприятие и отторжение наиболее прогрессивной части российского общества. Нельзя забывать свое прошлое, невозможно вычеркнуть из истории негативные страницы собственной культуры, но воспроизводить их вновь – значит отказаться от дальнейшего развития и потерять себя полностью, растворившись в более успешных культурных формах.

По этому поводу известный испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет еще в тридцатые годы прошлого столетия писал следующее: «Превзойти прошлое можно только при одном неумолимом условии – надо его целиком, как пространство в перспективу, вместить в себя. С прошлым не сходятся в рукопашную. Новое побеждает, лишь поглотив его. А, подавившись, гибнет». И далее: «У прошлого своя правда. Если с ней не считаться, она вернется отстаивать ее и заодно утвердит свою неправду» [6, с. 88-89].

По всей вероятности, стратегическое планирование будущего России не может не учитывать присутствия культурно-исторической матрицы византизма в ментальности русского общества. В связи с этим самые смелые и научно обоснованные планы могут быть сведены на нет молчаливым сопротивлением народа. А раз стратегическое планирование предполагается для нужд России, то оно должно исходить из имеющегося в наличии народа, а не из идеализированных образов либо идеальных конструкций. В этом, прежде всего, должна состоять реальность любой теоретической модели развития России.

Прошедшие за период независимого существования России годы достаточно наглядно продемонстрировали ущербность и разрушительность любых социально-экономических и политических преобразований, основанных на слепом заимствовании чужого опыта. Практика доказала, что ни западная модель постиндустриальной модернизации, ни азиатская схема «догоняющего развития» не приемлемы для нашей страны. «Для стран Не-Запада политический вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурной самобытности и самоидентификацией» [11, с. 286].

Отсутствие ясности в понимании перспектив развития, трезвой оценки сложившейся ситуации закономерно приводит к образованию огромного вакуума в мировоззренческой и нравственно-психологической ориентации широких масс населения, особенно молодежи. Сегодня большая часть населения России не понимает и не принимает основные ценности современной культуры, в которой живет. По многочисленным социологическим опросам и исследованиям, проведенным в последние 10 лет, «большая часть населения (от 60 до 80 процентов), живет в этаком – по сути понимания происходящего – протофеодальном времени. Она не считает цивилизационные вызовы XXI века, просто не способна это делать. Другая часть граждан – от семи до двадцати пяти процентов населения – те, кто в мировоззренческом плане действительно живет в наши дни. Остальные не определились. Почти две трети соотечественников до сих пор не принимают рыночные отношения, частную собственность, ненавидят своих работодателей, 57 процентов во время кризиса 2008 года хотели бы

немедленного введения жестких государственных цен, госконтроля за хозяйственными отношениями, до половины населения согласны на пересмотр проведенной в 1990-е приватизации, на национализацию. И наконец, более 70 процентов россиян считают нынешнюю жизнь несправедливой!» [4, с. 27-28]. Таким образом, несмотря на разрушение идеологического основания культурно-исторической матрицы России, альтернатива, предложенная прозападными реформаторами и модернизаторами, оказалась нефункциональной. Процесс социокультурной трансформации регулируется культурно-исторической матрицей общества, в котором он происходит. Так на какую матрицу опирается или натывается Россия всякий раз, когда она берется за очередную перестройку? Мануэль Кастельс отнес трансформации последнего десятилетия XX в. в России к тому типу интеллектуального и социального реформирования, когда «нацеливают на ускорение исторического темпа за пределами того, что общество может вынести на деле, чтобы инициаторы перемен могли удовлетворить и свою жажду власти, жажду осуществления своей теоретической доктрины» [5]. Исходя из результатов социологических исследований, можно прийти к выводу, что Кастельс оказался прав. Поспешность реформ последнего времени, их «иррациональная рациональность» привели к ментальному откату в восприятии этих трансформаций большей частью общества. Граждане, выросшие в ценностных рамках русской культурно-исторической матрицы, которыми являются аскетизм, стремление к глобальной справедливости, превалирование государственного и общественного над личным, а также свойственное всем людям стремление к упорядоченности жизни, стремятся вернуть те формы общественного бытия, которые стали традиционными, привычными и осмысленными. Именно поэтому большой успех на выборах имеют политические тезисы, обещающие стабильность и усиление государственного контроля над социальными сферами общественной жизни. Несмотря на невозможность возврата к идеологии «развитого социализма», его ценности и идеи, базирующиеся на русской культурно-исторической матрице, продолжают привлекать большую часть общества.

Сегодня еще нельзя сделать однозначный вывод о «смерти» культурно-исторической матрицы, сформированной на элементах римско-византийской культуры. Все чаще раздаются голоса, говорящие о необходимости эволюционного пути дальнейшего модернизационного процесса. «Сегодня нет недостатка в утопиях культурных революций, имеются трактаты об охранительной «евроверной модернизации»; общего понимания того, что нам необходима поступательная культурная эволюция – нет. Как нет системных практик, основанных не на сохранении и не на разрушении, а именно на обновлении любой реальности. В том числе реальности социокультурной» [1, с. 7]. Традиционная культурно-историческая матрица существует сейчас в отрыве от модернизационных концепций и процессов в российском обществе. Однако людям требуются формы осознания окружающего мира и ценностные ориентиры для формирования мировоззрения. Новые идеологические концепты, являющиеся элементами культурно-исторической матрицы, даже не столько Западной Европы, сколько Североамериканских Штатов, кардинально противоречат духовным основам отечественной культуры. В современной России очень четко выражено противостояние между модернизационными и традиционными ценностями, так как они формировались на различных основаниях, в разных культурах. И потому, по словам отечественного философа Александра Ахиезера, «в России... не выявилась достаточно развитая способность преодолевать исторически сложившийся в стране раскол между архаичной и достижительной культурами» [2, с. 116].

Российское общество по-прежнему представляет собой синкретическое объединение элементов традиционализма и модернизации, сохранения традиционных ценностей и формирования новых социальных институтов. Потому наиболее остро ставится вопрос о возможности возрождения и трансформации российской культурно-исторической матрицы как менее болезненный и опасный для нашего общества, почти потерявшего себя за последние десятилетия.

Список литературы

1. **Архангельский А. Н.** Между гарантией и шансом // Матрица русской культуры: Миф? Двигатель модернизации? Барьер? / под ред. А. Н. Архангельского. М., 2012.
2. **Ахиезер А. С.** Социокультурные механизмы циклов культуры // Искусство в ситуации смены циклов: междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002.
3. **Буйло Б. И., Сердюкова Е. В.** Судьба России в глобализирующемся мире // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2001. № 3.
4. **Дондурей Д.** О так называемых российских культурных матрицах // Матрица русской культуры: Миф? Двигатель модернизации? Барьер? / под ред. А. Н. Архангельского. М., 2012.
5. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс]. URL: http://polbu.ru/kastels_informepoch/ch05_i.html (дата обращения: 18.12.2008).
6. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс. М., 2001.
7. **Сердюкова Е. В.** Характер русской философии в экзистенциальном мироощущении Н. А. Бердяева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. III. С. 191-196.
8. **Соколов Е. Г.** Консервативные тенденции в современной российской культуре // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сборник статей / под ред. Ю. Н. Солониной. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. Вып. 1.
9. **Тойнби А.** Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995.
10. **Хелд Д., Перратон Дж., Гольдблатт Д., Макгрю Э.** Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. с англ. В. Сапова, Б. Рубанова, Л. Саповой, М. Соколовой, Л. Ясной. М.: Праксис, 2004.
11. **Шевелев В. Н.** Антропология модернизации: Россия между Западом и Востоком. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009.

CULTURAL AND HISTORICAL MATRIX OF RUSSIA: MODERNIZATION OR LIQUIDATION?

Sukhovetskaya Galina Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy
Southern Federal University
gvsuhoveckaya@sfnedu.ru

The article considers the formation of the cultural and historical matrix of Russia, its historical roots, and mentions the progressiveness and significance of Byzantinism to the Slavic culture. The role of cultural and historical matrix in the contemporary modernization process of society and state is analyzed. The contradiction of the traditional forms of social consciousness and the advancement of modernization processes in society is revealed. Particular attention is given to the leading role of social-cultural and ideological factors in the formation and development of the Russian cultural and historical matrix.

Key words and phrases: cultural and historical matrix; Byzantinism; Orthodoxy; modernization; social-cultural identity; ideological factor.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье раскрываются основные направления военно-технического сотрудничества Советского Союза и Германии накануне Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) в области военно-морской техники и вооружения в 1940-1941 гг. В соответствии с советско-германским торговым соглашением от 11 февраля 1940 года между представителями СССР и германскими фирмами были заключены договоры о приобретении и достройке в г. Ленинграде тяжёлого крейсера «Лютцов», а также о поставке из Германии некоторых образцов морской артиллерии. На основании архивных источников наглядно показано содержание этих соглашений и их реализация.

Ключевые слова и фразы: договор; крейсер «Лютцов»; фирма «Дешимаг»; фирма «Крупп»; заказчик; поставщик; артиллерийские орудия.

Федулов Сергей Валентинович, к.и.н., доцент
Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского
serg.val.fed.661000@yandex.ru

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И ГЕРМАНИИ
В ОБЛАСТИ ВОЕННО-МОРСКОЙ ТЕХНИКИ И ВООРУЖЕНИЯ НАКАНУНЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)[©]**

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. Советский Союз благодаря успехам, достигнутым в реализации пятилетних планов развития народного хозяйства, вышел на уровень мировых держав. Впервые за годы Советской власти экономика нашей страны создала материально-техническую возможность строить крупные современные боевые корабли. Поэтому военно-техническое сотрудничество СССР с другими странами в области судостроения было направлено на приобретение исключительно новинок иностранной корабельной техники и вооружения.

11 февраля 1940 года между СССР и Германией было заключено торговое соглашение. Руководство Советского Союза приняло решение о закупках в счет этого соглашения отдельных новых образцов немецкой морской техники и вооружения по следующим направлениям [3, д. 3, л. 3-25]:

1. Морское судостроение: крейсер «Лютцов» (спущенный на воду корпус, поставки вооружения, оборудования, проектных материалов, документации, необходимых для достройки крейсера в СССР).
2. Морская артиллерия и другие виды вооружений.

Закупки осуществлялись следующим образом. 30 мая 1940 года был заключен договор между заказчиком – Всесоюзным объединением «Машинимпорт СССР» – и поставщиком – Обществом по продаже кораблей с ограниченной ответственностью Германии на достройку крейсера «Лютцов» (водоизмещение 16500 тонн, скорость 32,5 узла, вооружение – 8-203 мм орудий) [2, д. 359, л. 2-273].

Заказчика представляли П. А. Зайцев и П. И. Соловьев, поставщика – контр-адмирал А. Геле.

В соответствии с договором поставщик передавал заказчику крейсер «Лютцов», строящийся фирмой «Дешимаг» в Берлине для германского ВМФ, а также обеспечивал достройку крейсера в Ленинграде всеми строительными материалами, вооружением, боезапасом, торпедами, машинами, аппаратами, корабельными самолетами, бомбами, оборудованием, устройствами, запчастями, инструментами, материалами, которые по чертежам, техническим предписаниям, представленным по оборудованию Германского ВМФ, относятся к кораблю. Поставщик назначал на верфь в СССР представительство по шефмонтажу для технических указаний по строительству корабля.

Заказчик обязался организовать: достройку крейсера на верфи в Ленинграде по германским чертежам и техническим предписаниям; производство монтажа на корабле оборудования, предусмотренного для него поставками, заказанными фирмой «Дешимаг».